

Корякина Любовь Сергеевна

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ В 1920-1930-Е ГГ.

Статья посвящена процессам переселения крестьян в Восточную Сибирь из других (преимущественно - центральных) регионов Советского Союза в 1920-1930-е гг. Основное внимание в работе автор уделяет причинам, мотивам и организации переселения, устройству переселенцев на местах вселения, рассматривает "обратническое" движение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 95-97. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(57)

Статья посвящена процессам переселения крестьян в Восточную Сибирь из других (преимущественно - центральных) регионов Советского Союза в 1920-1930-е гг. Основное внимание в работе автор уделяет причинам, мотивам и организации переселения, устройству переселенцев на местах вселения, рассматривает «обратническое» движение.

Ключевые слова и фразы: плановое переселение; самовольное переселение; аграрные отношения; положение переселенца; вербовка.

Любовь Сергеевна Корякина, к.и.н.

Кафедра общинженерной подготовки

Филиал Иркутского государственного технического университета в г. Усолье-Сибирском

lkor11@rambler.ru

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ В 1920–1930-Е ГГ. ©

Хозяйственное освоение Сибири на протяжении всей её российской истории связано с колонизацией, переселением. В 1920–1930-е гг. данные процессы имели несколько направлений. Во-первых, переселение, инициированное и контролируемое государством, и проводимое в рамках плана (вербовка колхозников, оргнаборы), во-вторых, «самовольное» переселение, в-третьих, спецпереселение (выселение кулаков, различных неблагонадежных, «чуждых» элементов и т.п.), получившее начало в конце 1920-х гг. в процессе коллективизации.

В современной историографии по данному периоду времени в большей степени рассматриваются насильственные переселения и депортации, тогда как проблемам планового и добровольного переселения уделяется мало внимания [8; 9]. Хотя, с точки зрения экономического развития Сибири, последние сыграли значительную роль, в частности, пополнив ресурсный (трудовой) потенциал региона, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

Главная цель государственного переселения заключалась в том, чтобы за счет расширения площади обрабатываемых сельскохозяйственных угодий решить вопрос увеличения сельхозпроизводства. Избыточные площади были в Сибири, но острый недостаток населения в этом регионе не позволял вовлечь земли в сельхозоборот. Так, в докладе о плане работ Иркутской колонизационно-переселенческой партии на 1926/27 г. отмечалось: «Если в Европейской части нашего Союза на экономику давит избыточное, не находящее применения своему труду население, то развитие производительных сил Сибири, в частности бывшей Иркутской губернии, тормозится недостатком населения» [2, д. 2577, л. 2].

Не меньшее значение имела и цель укрепления границ СССР с сопредельными государствами в районе Сибири и Дальнего Востока в связи с напряженностью внешнеполитических отношений Японии с Маньчжурией и Монголией [Там же], что соответственно угрожало и интересам СССР. Без достаточной численности населения, освоения территории укрепление пограничных районов было невозможным.

Необходимость взять миграционные потоки под контроль со стороны советского руководства проявилась уже с начала 1920-х гг. Так, в 1921 г. было произведено переселение в Сибирь из-за неурожая в европейской части России, в частности, в Иркутскую губернию. Для этого на территории последней было определено шесть пунктов вселения: Нижнеудинск, Тулун, Зима, Черемхово, Иркутск и Мысовск [1, д. 402, л. 104].

Статья 222 Земельного Кодекса от 30.10.1922 г. указывала, что переселение «является делом свободным и добровольным», со временем оно превращается в социально-политическую акцию, цель которой не дать возможности кулакам, религиозным деятелям и другим «опасным» социальным категориям скрыться из поля зрения советской власти. Еще до массового раскулачивания часть зажиточных крестьян, ощущая гнет налогообложения, идеологический прессинг, начинает пользоваться этим коридором для сокрытия своего социального статуса. Например, в информационно-политической сводке № 2 за январь 1927 г. указывалось: «37 семей зажиточных крестьян с. Краповой (Бийский округ) переселяются в Дальневосточную область, некоторые семьи уезжают в Кузнецкую тайгу и другие места. Одна из причин переселения - желание подальше спрятаться от власти. Один из переселенцев заявил: «Надо уезжать в самые глухие места, в какие-либо трущобы, чтобы никто не нашел» [4, д. 191, л. 9]. Как следствие рост самовольнического переселения.

С целью предотвратить перемещение «нежелательного контингента», государство усложняет процедуру переселения за счет установления квот, введения паспортной системы, жесткой социально-статусной проверки на местах вербовки. В 1936 г. данная процедура была примерно следующей. На каждый район был установлен норматив количества вербовки. Работа с населением проходила в несколько этапов. Первоначально надо было написать заявление и получить согласие о переселении, потом кандидатуры проходили отбор. Список лиц, подлежащих переселению, утверждался районной тройкой, далее согласившиеся должны были распродать своё хозяйство и дом (в 1936 году это являлось обязательным условием, поскольку опыт прошлых лет показывал, что лица, оставившие имущество, часто возвращались на родину), сдать хлеб в Заготзерно (в том же количестве хлеб им должны были выдать на местах вселения), пройти медосмотр. Такая процедура отбора позволяла отследить социальный статус переселенца и минимизировать его возврат.

До 1930 г. основными территориями выхода переселенцев в Восточную Сибирь стали Белоруссия, Украина, прилегающие к ним западные и северо-западные губернии, Башкирская и Татарская республики [7, д. 137, л. 242 об.]; в 1935, 1936, 1937 гг. - Горьковский край, Воронежская и Ивановская области, Татарская АССР; в 1939 г. - Курская область [8, д. 256, л. 605].

Для подготовки участков вселения, в том числе для домостроения, определялись денежные фонды, например, в 1926/27 г. Иркутской переселенческой партией водворения было запланировано 20 000 рублей. Тем не менее, основной жилищный фонд вселения в 1920–1930-е гг. был представлен старыми постройками, который значительно пополнился в 1930–1933-е гг., т.е. в период проведения массового раскулачивания. К 1937 г. этот фонд в основном был исчерпан. Из объяснительной записки к перспективному плану заселения Восточно-Сибирского края: «В 1937 году в готовые дома можно вселить максимум 2 000 семей, причем значительное количество домов нужно будет покупать у единоличников (не живущих в селе). Размеры и темпы дальнейшего переселения находятся в зависимости от строительства жилья для переселенцев» [6, д. 358, л. 41].

Поддержка переселенца государством заключалась в организации питательных пунктов, оказании медицинской помощи на пути следования переселенцев, предоставлении гужевых перевозочных средств, обеспечении инвентарем, постройке и предоставлении жилищ на месте вселения.

На первых порах проживания переселенцам предоставлялись льготы. Так, например, в 1925/26 г. хозяйства переселенцев в течение первого года поселения освобождались от уплаты сельскохозяйственного налога и страховых платежей [3, д. 236, л. 156 об.], им предоставлялись льготы по отбыванию воинской повинности [2, д. 2577, л. 10 об.]. В 1926/27 г. из фондов экономической помощи бедноте выделялись денежные средства на ссуды «бедняцкому и переселенческому населению» [4, д. 918, л. 29]. С 15 февраля 1934 г. население 23 районов Забайкальской части Восточно-Сибирского края освобождалось от обязательной поставки зерновых культур государству на три года, для остальных районов были снижены нормы на одну треть; уменьшены нормы обязательной поставки государству мяса, картофеля, молока, масла для колхозов и колхозников сроком на шесть лет на 59% против норм, установленных в 1933 г.; увеличена заработная плата [5, д. 484, л. 1]. С 1936 г. переселенцы Восточной Сибири освобождались в течение трех лет от сельскохозяйственного налога, культсборов, страховых платежей, от сдачи шерсти – на два года; выдавалась ссуда колхозу вселения в 250 руб. для ремонта дома и хозпостроек и в 250 руб. переселенческой семье на хозобзаведение [10, д. 256, л. 611].

Несмотря на такую государственную протекцию, имел место значительный процент возврата переселенных на прежние места жительства и самовольного покидания мест водворения. Например, в 1929 г. «обратничество» по Иркутскому округу среди переселенцев составило 35% [4, д. 1369, л. 9]. В 1935–1936 гг. из вселенных в Восточно-Сибирский край возвратилось на родину – 6,5%, уехали в Дальне-Восточный край и Западную Сибирь – 0,8%, сменили род деятельности – 3,6% и выехало «неизвестно куда» – 10%. Таким образом, 21% переселенцев покинули места водворения [6, д. 358, л. 61].

Причины массового ухода с участков водворения были различными, но в основном заключались в неподготовленности районов к вселению, предоставлении непригодного к проживанию жилья, в сложности самостоятельно разработать землю. Так, например, в докладе Иркутской колонизационно-переселенческой партии о плане работ на 1926/27 операционный год указывается: «Ослабленному экономически переселенцу в первый год бывает не под силу наряду с постройкой производить и раскорчевку. Он принужден залезать в долги, идти в батраки, к старожилу, а часто пробившись год – два бросать участок и уезжать на родину» [2, д. 2577, л. 1].

Осенью 1929 г. – весной 1930 г. в Иркутском округе остро стоял вопрос с продовольственным снабжением местного населения и в том числе переселенцев, особенно прибывших в 1929 г. В связи с этим был зарегистрирован ряд следующих фактов. «Переселенцы участков Сотниковского и Осиновского Масленогорского сельсовета Зиминского района 29 октября 1929 г. в количестве 15–20 человек пришли в сельсовет с просьбой снабдить их хлебом и когда получили отказ, переселенцы заявили: «Мы из сельсовета не пойдем до тех пор, пока вы не дадите нам хлеба. Мы завоевывали советскую власть, а теперь у нас дети умирают с голоду, у крестьян хлеб отобрали и нам, не имеющим посева, не дают, наверное, придется сдохнуть с голоду». Переселенцы Карповского участка Зиминского района в количестве девяти человек подали в Переселенческую партию заявление следующего содержания: «Просим Зиминскую переселенческую партию позаботиться о нас и выяснить, как мы должны дальше будем жить, потому что кооперация нам хлеба не дает, а на частном рынке купить невозможно. Нам придется последний скот продавать на хлеб, а потом помирать с голоду...». 23 ноября 1929 г. переселенцы Зиминского района отправили в Москву на имя М. И. Калинина телеграмму следующего содержания: «Просим вас спасти наши переселенческие семьи 199 едоков от голодной смерти, т.к. мы за все время переселения с 1928 г. января месяца получили всего по 4 кг на едока...» [4, д. 1369, л. 9]. «... в гор. Зима появилось большое количество нищих переселенцев собирающие куски хлеба по домам» [Там же, д. 1506, л. 35]. Подобного рода ситуации возникли в ряде районов Восточно-Сибирского края, что вызывало у переселенцев желание сменить место проживания.

Другая причина покидания мест водворения – это сложные отношения с местным населением: «Переселенцы участков Урал и Рикатуй Тулунского района водворения жалуются на соседей-казаков в том, что они все столбы, обозначающие границы участков, повырыли и ямы заровняли, и они поэтому не знают где границы. Судя по разговорам переселенцев, скот на пастбище хоть не выгоняй, т.к. казаки позволяют себе калечить скот побоями. Просят переселенцы указанных участков обозначить границы участков и прирезать земли хотя бы под скотский выпуск» [Там же, д. 531, л. 42].

В 1936 г. татарские семьи, переселяемые в Аларский аймак БМССР, столкнулись с проблемой общения с местным населением, поскольку каждый разговаривал на своем языке. Более того, они были распределены по

несколько семей (от 2 до 5) в разные колхозы, а поскольку в школах шло преподавание на бурятском языке, то их дети не были приняты в школы [6, д. 358, л. 39]. Такие ситуации способствовали «обратническим настроениям».

Сыграл свою роль и природный фактор, так 1935 г. оказался неурожайным, в связи с чем отмечался высокий процент выхода переселенцев из колхозов и переход их на промышленные предприятия края, особенно среди переселенных из Горьковского края [Там же, л. 62].

Помимо планового переселения существовало также и «самовольное». Из краткой характеристики хозяйств самовольных переселенцев, по данным обследований 1927 г.: «Самовольничество, как одна из разновидностей миграционных форм, – явление не новое. Стимулом для него служат те же причины, которые побуждают и к плановому переселению: недостаток земли, отсутствие заработков и т.д. ...по внутренней же своей сущности самовольничество должно расцениваться как явление, носящее в себе дезорганизирующее начало, следовательно, нарушающее единство всей работы по переселению в особенности теперь, когда элемент плановости всюду приобретает доминирующее значение. А если так, то должны быть взысканы пути и средства, чтобы изжить это явление» [4, д. 531, л. 60]. Несмотря на стремление государства полностью проконтролировать процессы переселения, «самовольцев» было довольно много, так, в одном из отчетов за 1926/27 г. указывается, что «самовольческое движение, по своему размеру не ниже движения плановых» [Там же, д. 638, л. 28].

В 1927 г. было проведено выборочное обследование 620 «самовольнических хозяйств», что составило 8% среди самовольцев. Территориально это - Солонечко-Икейский район (Тулуновский округ) и Тыреть-Тагинский и Китойский районы (Иркутский округ). Из них 422 хозяйства поселились на участках до 1925 года (большая часть в период первой мировой войны и «голодные годы»), остальные 198 - в 1925, 1926 гг. Среди них был проведен опрос по причинам переселения в Сибирь. Одни ссылались на то, что не знали о плановом переселении. Другие указывали, что обращались с просьбами о разрешении переселиться в плановом порядке, но ходатайства их не удовлетворялись, например, по имущественному обеспечению они не удовлетворяли установленному цензу (имущество оценивалось менее чем в 800 рублей). В тех губерниях, в которых ранее проживали переселенцы, не было планового переселения, поэтому решили выехать самостоятельно. И еще один из ответов: переселенцы могли быть направлены в плановом порядке, но только в те места, которые их не устраивали. Как показывала практика, цель «самовольнического» переселенца заключалась в том, чтобы попасть в более освоенные территории с землей лучшего качества и образовать крепкое индивидуальное хозяйство.

Из всех опрошиваемых 447 человек согласились ответить на вопрос: «Как устроились на местах?». 74,9% опрошенных устроились на новых местах лучше, чем жили на родине; 12,3% – так же, как и на родине, 10,7% – хуже и 2,1% затруднились дать определенный ответ [Там же, д. 531, л. 62-63]. Действительно, архивные документы свидетельствуют, что, несмотря на все трудности переселения, большинство как плановых, так и самовольных переселенцев 1920-х гг. смогли улучшить свое материальное положение, получить землю и полагающиеся им льготы. Но с конца 1920-х - 1930-е гг., когда государство перешло к коллективизации и упразднению индивидуально-товарных хозяйств, в дальнейшем устанавливая ограничения на размер хозяйства жителя села, экономическое состояние переселенца стало доводиться до этих норм.

Таким образом, процесс переселения в 1920–1930-е гг. имел противоречивый характер. С одной стороны, создавались приемлемые условия для переселенцев (через систему льгот, ссуд и т.д.), с другой стороны, короткие сроки, массовость переселяемых и др., не давали возможности качественно подготовить места вселения и способствовали процессу обратничества, перехода на другие земли и на промышленные предприятия Сибири.

Список литературы

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ ИО). Ф. 1. Оп. 1.
2. ГАНИ ИО. Ф. 1. Оп. 1.
3. ГАНИ ИО. Ф. 7. Оп. 1.
4. ГАНИ ИО. Ф. 16. Оп. 1.
5. ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 1.
6. ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 17.
7. ГАНИ ИО. Ф. 271. Оп. 1.
8. Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX - середина XX в.) / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2010. 204 с.
9. Спиридонов А. Н. Миграционные процессы советского государства. М.: Институт соц.-полит. исследований РАН, 2006. 22 с.
10. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 4. 1056 с.

MIGRATION TO EASTERN SIBERIA IN THE 1920–1930S

Lyubov' Sergeevna Koryakina, Ph. D. in History

*Department of General Engineering Training
Irkutsk State Technical University (Branch) in Usol'e-Sibirskoe
lkor11@rambler.ru*

The article is devoted to the processes of peasants' migration to Eastern Siberia from other (mainly - central) regions of the Soviet Union in the 1920-1930s. Special attention is paid to migration reasons, motives and organization and to migrants' arrangement at new places; the author also considers the "reverse" movement.

Key words and phrases: planned migration; unauthorized migration; agricultural relationships; migrant's status; recruiting.